

Глава 4. Отказ

Доев хуньтуни под аккомпанемент рыночных сплетен, Лу Чуань заглянул в лавку мелочей, где купил немного растительного масла, соли и семян.

Его одежда, которую он носил уже не первый год, изрядно поизносилась. Он подумывал зайти в лавку тканей, но, едва узнав цены, тут же поумерил пыл: готовое платье из хлопка стоило четыреста вэней, а из грубой пеньки — двести восемьдесят.

В кошеле у юноши оставалось чуть больше шестисот вэней — купи он обновку, и на еду не хватило бы.

«В конце концов, — рассудил он, — старое платье еще послужит, пусть рукава и штанины стали коротковаты»

Лу Чуань не заказывал новой одежды с тех пор, как надел траур по родителям. Тогда ему было всего пятнадцать, а за три года он заметно вытянулся.

Выйдя из лавки, он поспешил к городским воротам. Время поджимало; старик Лю был человеком слова и ждать опоздавших не любил.

Предчувствие не обмануло: телега уже стояла у ворот. Чэнь Циншань, несколько деревенских тетушек и Юй-гээр тоже были в сборе. Заметив друга еще издалека, Циншань энергично замахал рукой, подзывая его.

Едва Лу Чуань занял свое место на краю телеги, старик Лю взмахнул кнутом, и рыжий бык неспешно поплелся по наезженной дороге.

— Что же вы так долго, ученый Лу? — поинтересовался Чэнь Циншань.

— Заглянул в книжную лавку, — ответил он, — вот и задержался немного.

Тётушка Цинь добродушно поддразнила его:

— Ох, и прилежен же наш ученый! Только-только от болезни оправился, а уже за книги берется. Не зря в такие годы степень сюэцзя получил.

— А как же иначе? — подхватила тётушка Лян. — Ведь его не зря юным дарованием кличут!

Заметив смущение на лице молодого человека, Циншань поспешил на помощь:

— Он ведь днями и ночами над книгами сидит, трудится в десять раз усерднее других. Оттого и стал сюцаем в двенадцать лет.

— Это правда, — вставила тётушка Ван. — Внук помещика Тяня рассказывал, что в школе ученый Лу был прилежнее всех.

Лу Чуаню оставалось лишь вежливо улыбаться в ответ. Что он мог сказать? Все эти подвиги принадлежали прежнему владельцу тела. Сам же он не смыслил ни в восьмичленных сочинениях, ни в каллиграфии.

При этой мысли у него тревожно екнуло сердце. Слава о прилежании и таланте прежнего хозяина тела гремела на всю округу. Если он, обычный студент из будущего, провалится на элементарном задании, обман раскроется в мгновение ока.

Все последние дни, занятый болезнью и заботами о пропитании, он совсем позабыл об этой опасности. Пока что можно было списывать странности на последствия недуга, но долго ли прослужит это оправдание?

Всю дорогу до дома он просидел как на иголках, погруженный в невеселые думы, но так и не нашел выхода из тупика.

При жизни родители Лу Чуаня придавали учебе сына огромное значение. В доме была устроена отдельная комната, где на полках теснились трактаты, исторические хроники, пособия для подготовки к экзаменам и кипы учебных работ.

Надев траур, юноша не мог посещать академию, поэтому его наставник, учитель Цинь, ежемесячно присылал ему письма с заданиями. Выполнив работу, Лу Чуань отправлял ее обратно на проверку.

К нынешним провинциальным экзаменам сянши он допустил ученика только после того, как лично удостоверился в его знаниях, будучи уверенным, что имя подопечного украсит список победителей.

Учитель Цинь и предположить не мог, насколько слабым окажется здоровье юноши.

На самом деле тому просто не повезло. Места в экзаменационном дворе распределялись по жребью, и ему досталась келья в самом углу, где крыша дала течь. Во время первого этапа пошел холодный осенний дождь, и Лу Чуань не заметил, как промок до нитки. Несмотря на осень, погода стояла душная, и он не придал этому значения.

Его организм, подорванный годами изнурительной учебы, не выдержал. К концу первого дня его затрясло в лихорадке. Вернувшись на постоянный двор, он выпил лекарство, но на следующий день снова отправился на экзамен. В итоге жар окончательно погубил его душу,

освободив место для пришельца из другого мира.

Пока шли экзамены, учитель Цинь был занят другими студентами, но, когда всё закончилось, он сразу навестил Лу Чуаня. К счастью, тот был настолько слаб, что не мог даже подняться с постели, и наставник не стал экзаменовать его, иначе позорное разоблачение случилось бы в тот же день.

В глазах древних мудрецов Лу Чуань и впрямь был почти безграмотным. Школьных знаний классического китайского языка было явно недостаточно для государственных экзаменов.

Он вытащил одну из работ прежнего владельца тела. Бумага была исписана четким, безупречным почерком гуаньгэти. Лу Чуань с отчаянием понял: ему не достичь такого мастерства и за десять лет.

Другие попадали в прошлое с «золотыми пальцами» или хотя бы с памятью и навыками предшественников. Ему же досталось лишь чужое имя и бремя чужого таланта. Как не выдать себя?

Проведя в кабинете несколько часов, он принял твердое решение: практиковаться в письме до изнеможения, чтобы сходство стало безупречным. А что до сочинений... пока он сошлется на бедность и невозможность продолжать учебу. Вряд ли кто-то станет принуждать его.

Первым делом нужно было подготовить чернила. Лу Чуань никогда раньше этого не делал; он налил слишком много воды, и сколько бы ни вращал брусок туши, жидкость оставалась бледно-серой. Наконец, сообразив в чем дело, он слил лишнее и продолжил.

«Оказывается, даже растирание туши — целое искусство. Неудивительно, что в знатных домах для этого держат отдельных слуг»

Увлажнив кончик кисти, он приступил к делу. Первым делом решил написать свое имя. Иероглифы «Лу Чуань» вышли бесформенной кляксой: он слишком сильно давил на кисть, и тушь расплылась по бумаге, превратив написанное в нечто непотребное.

Следующие дни превратились в бесконечную череду трудов. Рано утром он занимался физическими упражнениями, затем шел в огород, чтобы перекопать грядки. Сбор летнего урожая закончился, и теперь нужно было посадить капусту и редьку, чтобы зимой не остаться без овощей.

Закончив с землей, Лу Чуань до самой ночи изводил кипы бумаги, стараясь приручить непослушную кисть. Жизнь его теперь была не менее напряженной, чем в современном мире.

Разница была лишь в одном: здесь не было электричества. Свет свечи был слишком тусклым, и он, боясь испортить зрение, ложился спать, едва сгущались сумерки. По крайней мере,

дефицита сна он больше не испытывал.

Однажды после долгой тренировки в каллиграфии Лу Чуань вынес во двор складное кресло и устало растянулся в нем, глядя в небо пустым взглядом. Тень от старого граната укрывала его от солнца, в ветвях щебетали птицы, и в этой тишине его измученное сердце постепенно обретало покой.

«Быть лентяем-“соленой рыбой” тоже, оказывается, непросто»

Его негу прервал скрип калитки. Во двор вошел староста деревни с письмом в руках. Увидев юношу, он приветливо спросил:

— Паренёк Чуань, как твоё здоровье? Оправился ли ты совсем?

Лу Чуань поспешно вскочил и вынес из дома табурет для гостя.

— Почти совсем, уважаемый староста. Доктор сказал, что ещё три порции отвара — и можно заканчивать. Вчера я допил последнюю.

Дядя Чэнь похлопал юношу по плечу и присел.

— Вот и славно. Я пришел спросить, что ты намерен делать дальше?

Он протянул письмо.

— Учитель Цинь прислал весточку. Я встретил гонца у околицы и решил сам тебе занести.

Лу Чуань не спеша вскрыл конверт. Хотя он привык к упрощенным иероглифам, смысл традиционного письма был ему понятен, тем более что последние дни он только и делал, что изучал их.

Закончив чтение, он тяжело вздохнул. Староста, заметив его помрачневшее лицо, встревожился.

— Экзамены сянши закончились, — пояснил юноша, перехватив его взгляд. — Наставник спрашивает, когда я вернусь к занятиям.

Лицо старика озарилось радостью. Он как раз хотел поговорить об этом.

— Раз учитель Цинь зовет обратно, это же великая удача! — Но, вспомнив недавний вздох, он осекся. — О чем ты задумался, парень?

Лу Чуань отвел глаза. Ему было невыносимо обманывать надежды этого доброго человека, но у него просто не было иного выхода. Учитель Цинь знал своего ученика слишком хорошо — он мгновенно распознает подмену в первом же сочинении. Глупо было бы самому лезть в ловушку.

— Вы знаете, каково сейчас положение в моем доме, — тихо произнес он. — Несколько лет назад, когда болела матушка, нам пришлось продать пять му земли. За последние три года, пока я учился, ушли еще пять. Теперь осталось всего пять му, а мне нужно на что-то жить. У меня просто нет средств, чтобы продолжать учебу.

Дядя Чэнь нахмурился. Если бы речь шла о разовой помощи для поездки на экзамены, деревня бы помогла. Но содержать ученого три года до следующего испытания — бумага, тушь и книги стоят немалых денег — задача непосильная. У каждого свои дети, которых нужно кормить.

— И что же ты решил? Неужели совсем бросишь книги?

Лу Чуань горько усмехнулся. Он не смел сказать правду, поэтому ответил уклончиво:

— Сначала нужно найти работу, чтобы выжить. А там, если выпадет случай, вернусь к учебе.

Видя, что юноша рассуждает здраво, староста решил помочь делом.

— В городском зале начального обучения как раз ищут учителя. С твоими знаниями обучать детишек грамоте — дело плевое. Что скажешь? Платят четыре лян в месяц.

Он поспешно отказался. Обучать детей? Да он «Троеслобие» наизусть не вспомнит! Зачем портить жизнь подрастающему поколению?

Заметив его отказ, дядя Чэнь предложил другой вариант:

— Твой братец Чэнь часто возит дрова в город, в одну из чайных. Слышал я, что их бухгалтер собрался в родные края и они ищут замену.

Лу Чуань заинтересованно поднял брови. Это ему подходило куда больше. Работа с цифрами для человека с его образованием — сущий пустяк.

Староста, видя его интерес, добавил:

— Если надумаешь, поезжай с Чэнь Циншанем, когда он в следующий раз повезет дрова. Попробуй предложить себя. У нас, деревенских, связей в городе нет, так что придется самому локтями пробиваться.

Лу Чуань был искренне благодарен. Информация в этом мире ценилась на вес золота. Он низко поклонился старику:

— Благодарю вас, дядя Чэнь. Ваша семья так много сделала для меня в это трудное время. Если когда-нибудь вам понадобится моя помощь, только позовите.

Староста принял поклон, не пытаясь его остановить. Он помогал Лу Чуаню, веря в его великое будущее. Пусть сейчас юноша вынужден искать работу, старик не сомневался: придет время, и тот достигнет небывалых высот.

Договорив о деле, дядя Чэнь уже собрался уходить, но у самой калитки помедлил и, обернувшись, нерешительно произнес:

— Паренёк Чуань, тебе ведь уже восемнадцать. В нашей деревне твои сверстники уже не просто женаты, у некоторых и дети по лавкам ползают.

Видя недоумение на лице юноши, он продолжил:

— Не думал ли ты о том, чтобы обзавестись супругом или женой?

Лу Чуань опешил. Жениться? С чего вдруг такие разговоры?

— Видишь ли, — пояснил староста, — не только зажиточные семьи нашей деревни, но и некоторые богатые горожане не прочь породниться с тобой.

Намек был прозрачен: богатый тесть обеспечит и жизнь, и учебу, и не придется ломать голову над каждым взнем. В это время ученые ценились превыше всего, особенно если в доме не было своей опоры. Многие богачи, чьи сыновья не вышли умом, мечтали заполучить талантливую зятю.

Лу Чуань в их глазах был завидным женихом. Не будь у старосты дочери не на выданье, он бы и сам не упустил такого случая. Зять-цзиньши — это верный путь к почету и власти в округе.

Поняв, куда клонит старик, юноша внутренне содрогнулся и поспешил отказаться. Даже попав в этот мир, он втайне мечтал о любви и хотел связать жизнь лишь с тем, кто будет ему дорог. Традиции брака вслепую по воле родителей и свах были для него неприемлемы.

«Хотя я и не против „пожить на всем готовом“, но только если эта чаша будет мне по вкусу»